

О ВЛИЯНИИ РУССКИХ КЛАССИКОВ НА ЯПОНСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ ПОСЛЕ 1868 ГОДА

Золотухина О.А.,

научный руководитель доц., канд. филол. наук Васильев В.К.

Сибирский Федеральный Университет

23 октября 1868 года новым императором Японии становится Муцухито, взявший имя Мейдзи. Эту дату можно назвать вторым рождением страны: «просвещенное правление» (именно так переводится имя императора) за 44 года превратило самоизолированную, феодальную страну в одну из сильнейших мировых держав. В Японию бурным потоком хлынули новые философские учения, эффективное использование знаний и достижений человечества стало основной идеей нового правительства, чтобы «положение Японии было упрочено». Изменения коснулись всего, и литература не стала исключением.

Крах старой системы заставил бывших самураев адаптироваться под новые условия жизни: многие из них в новом правительстве становились чиновниками. Из самураев образовалась «прослойка» интеллигенции: литераторы и журналисты. Их интересовали новые духовные течения: христианство-протестантизм и европейская литература, в частности, русская современная литература.

Знакомство с русской литературой и русским характером было связано, прежде всего, с творчеством Тургенева, Достоевского и Толстого. Цель доклада: осветить влияние русских писателей на литературный процесс Японии периода Мейдзи и восприятие русской литературы японскими читателями.

Среди японской интеллигенции появились религиозные деятели, журналисты и литераторы, которые интересовались идеями Льва Толстого. В европейской литературе ближе всего к оппозиционному антиправительственному настроению самурайской интеллигенции были взгляды Ивана Тургенева, работы которого были представлены японской публике как выражающие народнические идеи современной России. В то время информация о России проникала в Японию из Европы, в основном из Великобритании в переводе с английского. [Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Достоевского. 2005:149]

К концу XIX века, по данным Громовской Л.Л., в Японии вышло свыше 50 переводов произведений русской художественной литературы, в том числе Тургенева — 18, Толстого — 18, Гоголя — 5, Достоевского — 4 [Громковская Л.Л. 100 лет русской культуры в Японии. 1989: 13], а в 1885—1898 годах в Японии выходило свыше ста общественно-литературных журналов. Из них было опубликовано более ста специальных статей и заметок о русской литературе. 32 публикации посвящены Толстому, 17 — Достоевскому, 8 — Тургеневу, 4 — Пушкину, 26 — общим проблемам изучения русской литературы [Громковская Л.Л. 100 лет русской культуры в Японии. 1989:13].

Первым, кто «прорубил окно на Восток», по мнению К. Рехо, был Тургенев [К.Рехо. Русская классика и Японская литература. 1987:23]. В Японии он был представлен в 1879 г. на основе английского источника в газетной статье под заголовком «О положении партии нигилистов в России». В 1883 г. в газете были опубликованы без заголовка подробное изложение содержания «Порога» из «Стихотворений в прозе» Тургенева. Так же можно считать это самым первым переводом русской классики в Японии. Стоит отметить, что в эти годы так же были переведены с английского и опубликованы отрывки из «Капитанской дочки» Пушкина под «Сердце цветка и думы

бабочки. Удивительные вести из России»(1883) и отрывки из «Войны и мира» Л. Толстого под названием «Плачущие цветы и скорбящие ивы. Последний прах кровавых битв в Северной Европе» (1886). [Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Достоевского. 2005:149]

Нельзя в стороне оставить великого писателя-основоположника японской литературы нового времени Хасэгава Тацуносукэ. В Институте иностранных языков Тацуносукэ увлекался русской литературой под влиянием русского преподавателя Николая Грея. Тацуносукэ уже в студенчестве читал Тургенева, Гоголя, Гончарова, Достоевского, Л. Толстого и т. д. После института он сразу становится литератором.

После первых неудач Хасэгава Тацуносукэ удалось под псевдонимом Фтаватэй Симэй опубликовать в журнале перевод рассказа Тургенева «Свидание» из «Записок охотника». «Японцы были очарованы красотой русской природы, прелестью русской березовой рощи, изображённой в начале и конце рассказа Тургенева, превосходно переданной переводом Фтабатэя.» [Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Достоевского. 2005:138]

По признанию Куникиды Доппо, японского писателя, в своём рассказе, именно «Свидание» Тургенева в переводе Фтабатэя открыло ему глаза на японскую природу в окрестностях новой столицы Токио. По его словам, он вырос в западном районе Японии, т.е., ближе к старым столицам и культурным центрам Нары и Киото. Рощи в этих районах сосновые, вечнозелёные, так что японцы исстари не знали красоту рощей листопадных деревьев – ни в литературе, ни в живописи. Куникида, проживший 10 лет в Токио до этого, переехав в столицу на учёбу, впервые признал, что стал понимать красоту рощей листопадного дуба в окрестностях Токио, благодаря описаниям Тургенева. Куникида цитирует целые пассажи изображения берёзовой рощи в начале «Свидания». Дальше он, неоднократно сверяясь с текстом Тургенева, изображал с разных точек зрения красоту листопадных рощей равнины Мусасино. [Григорьева Л.Л. 100 лет русской культуры в Японии. 1989:28]

По словам Н. Конрада, советского востоковеда, роща, написанная японским художником в красках или тушью – это «пейзаж, выписанный в характерной для восточной живописи линейной перспективе. Это – одно видение внешнего мира». А роща, написанная европейским художником – это «пейзаж, выписанный с добавлением воздушной перспективы, соединенной со светотенью. Это – другое видение внешнего мира» Японские писатели, рисуя средствами языка пейзаж, привыкли воспринимать этот пейзаж в линейной перспективе; соответствующим образом выбрали они и языковые приемы. В тургеневском же пейзаже они почувствовали глубину пространства, светотень. [Фтабатай Симэй. Мои принципы художественного перевода. Пер. Р. Карлиной. «Восточный альманах». 1957:385]

Получается, японские русисты «создают то зеркало, в которое смотрятся обе культуры — русская и японская— одновременно, находя между собой специфические различия, и непременно общее, что обеспечивает их диалог делает его в принципе возможным и даже необходимым» [Л.Л. Громовская. 100 лет русской литературы в Японии. 1989.].

Знакомство с творчеством Толстого упрочило в сознании японских читателей главенство русского романа в мировом литературном процессе. В статье «Русский роман и романисты» (1890) Уэмура Масахиса называет Толстого и Тургенева «Нио» (божества-охранители, статуи которых было принято устанавливать у входа в храм по обе стороны от ворот) русской литературы. [Рехо К. Русская классика и японская литература. 1987:51].

В 90-х годах началось и паломничество японцев в Ясную Поляну. В 1896 году посетил Толстого известный публицист Токутоми Сохо, а спустя десять лет его брат, знаменитый писатель Токутоми Рока, для которого Толстой был учителем жизни.

В этом отношении примечательно восприятие романа «Анна Каренина» в японской критике 90-х годов XIX века.

Японские читатели увидели в романе шедевр, правдиво раскрывающий все многообразие жизни современного человека. По мнению анонимного автора статьи «Граф Толстой» (1896), роман русского писателя интересен тем, что он вызывает множество ассоциаций, читатели, несомненно, вспомнят, что случай, подобный рассказанному русским писателем, произошел или, во всяком случае, мог произойти и здесь, в Японии. «Анна Каренина», по его мнению, это тоже своего рода «Преступление и наказание», но, в отличие от романа Достоевского, «Анна Каренина» «более жизненна и более человечна». «В человеческой жизни все течет и меняется, в ней совершается много непредвиденных событий, иногда жизнь как будто бы останавливается, но на самом деле продолжается вечно. Толстой сжал это многообразие жизни до предела и вместил его в один том...» [Рехо К. Русская классика и японская литература. 1987:55].

В 1889 году Фтабатэй создал роман «Плывущее облако». По поводу создания этого романа он открыто признавал влияние русских писателей [Рехо. Русская классика и японская литература. 1987:7], но уже не влияние Тургенева, а Достоевского и Гончарова. В своём эссе, проникая в суть поэтики Тургенева и Достоевского, он указывает, что Достоевский и Тургенев придерживаются противоположных взглядов на описание человека: первый ассимилируется с героем, т.е., автор остается внутри персонажа; второй же находится вне персонажа и относится к нему более или менее критически. [Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Достоевского. 2005:147]

По признанию Фтабатая, его, как писателя, более привлекала авторская ассимиляция с персонажем в духе Достоевского, однако, при этом надо избегать чрезмерного лиризма. В том же эссе Фтабатей характеризует различие Достоевского и Тургенева ещё так: «В творчестве Достоевского проявляется какая-то идея в отношениях между персонажами, а в творчестве Тургенева иначе; только в характеристике отдельного персонажа проявляется идея. Зато у Тургенева каждый персонаж выступает и как будто оживляется, а у Достоевского не так; сам персонаж до некоторой степени туманный образ, зато в отношении между персонажами наблюдается великая идея» [Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Достоевского. 2005:148].

В романе «Плывущее облако» автор изобразил внутреннюю борьбу, конфликт в сознании героя романа, только что уволенного из департамента молодого чиновника низкого ранга Бундзо. Пользуясь вектором, подсказанным Достоевским, Фтабатэй изобразил резкие перемены состояния сознания героя (смысл названия романа «Плывущее облако» символизирует такое внутреннее состояние героя) на основе введенной им впервые в Японскую литературу несобственно-прямой речи (ведь эта речь возможна только в результате преодоления разницы книжной и разговорной речей. Эту задачу разрешил именно он, выполнив превосходную переводную работу произведения Тургенева). [Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Достоевского. 2005:149]

Сразу же после выхода японского перевода «Преступления и наказания» Достоевского в 1892 году журнал «Кокумин-но томо» («Друг Народа») писал: «Теперь японские читатели обращаются к писателям России, к ее молодой литературе. Жестокие картины жизни, отраженные в русском романе, вызывают интерес даже у тех, кто воспитан на изящной словесности» [Рехо К. Русская классика и японская литература. 1987:21]. Притягательная сила русского романа заключается в его

беспощадном реализме. «Социальные беды изображены в книге так,— пишет «Кокумин-но томо» о романе «Преступление и наказание», — будто в кисть художника вселился божественный дух. Она приводит в содрогание угнетателей и в то же время воодушевляет борцов за справедливость. Сила этого произведения в том, что оно основано на собственном жизненном опыте писателя» [Громковская Л.Л., 1989, 41]. Таким образом, можно сказать, что влияние Достоевского на японскую литературу сильное и глубокое.

По многочисленным признаниям японских писателей и литературоведов, японцев исключительно привлекает мир Ф. М. Достоевского. Они читают произведения русского писателя в первую очередь потому, что слишком многое в их обыденной жизни заставляет вновь и вновь возвращаться к страницам «Бесов» и «Братьев Карамазовых», «Преступления и наказания» и «Подростка». Романы Достоевского наполнены для них современными, чрезвычайно актуальными проблемами, идеями. [Рогозина Т. В. Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. № 9/2006]

В феврале 1984 г. Общество исследователей и любителей творчества Достоевского создали новый печатный орган — «Альманах исследований о Достоевском». Когда-то один японский критик заметил, что Достоевский научил его философски мыслить не в кабинете, а в маленькой, убогой комнатке пансионата. [Семенюта Е.Б. Развитие японской литературы конца 19 – первой половины 20 века и творчество Ф.М. Достоевского. 1986:223].

Список использованной литературы:

Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Достоевского. Сборник статей. Предисловие В. Туниманова. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2005 — 208 с.

100 лет русской культуры в Японии. Под ред. Громовской Л.Л.. Сборник статей. Москва: «Наука». Главная редакция восточной литературы. 1989 — 350 с.

Рехо К. Русская классика и японская литература. Москва: Художественная литература. 1987 — 352 с.

Семенюта Е.Б. Развитие японской литературы конца 19 – первой половины 20 века и творчество Ф.М. Достоевского. Автореф. канд. дис. Москва, 1986 — 228 с.

Рогозина Т. В. Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. № 9/2006. <http://www.eunnet.net/sofia/09-2006/>